

## свт. Иоанн Златоуст

### **Беседа против тех, которые злоупотребляют апостольским изречением: «Как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно» (Флп. 1:18), и о смирении святитель Иоанн Златоуст**

Эта беседа была произнесена в Антиохи за несколько дней до пятой беседы против аномеев (том I), т. е. в последние дни 386 года. В этой именно пятой беседе против аномеев находится объяснение притчи о мытаре и фарисеи, о которой упоминается в начале настоящей беседы. Поводом к этой беседе было злоупотребление, которое некоторые еретики делали из слов ап. Павла: «Как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно», доказывая, что эти слова означают маловажность того, истинны, или ложны учения, если только в них проповедуется Христос. Во вступлении упоминается о пятой беседе против аномеев. – Смирение есть единственная скала, на которой должно основываться здание нашего спасения. – Простота, чистота, единство веры, которых требуют ап. Павел и Сам Господь Иисус Христос. – Обстоятельства, при которых ап. Павел произнес рассматриваемые слова; он был в оковах, и его враги проповедовали Евангелие, чтобы возбудить гнев Нерона и заставить его умертвить апостола; тем не менее, проповедь имела успех, почему ап. Павел и сказал рассматриваемые слова. – Подробное объяснение самих слов. – Увещание к молитве.

1. Недавно упомянув о фарисее и мытаре и снарядив словом две колесницы из добродетели и зла, мы показали, сколько в смиренномудрии выгоды, а в гордости сколько вреда. Эта, будучи сопряжена даже с праведностью, постами и десятинами, отстала; а та, будучи сопряжена даже с грехом, упредила колесницу фарисея, хотя имела и худого возницу. И в самом деле, что хуже мытаря? Но так как он сокрушил свою душу и назвал себя грешником, каков он и был, то превзошел фарисея, который мог указать на свои посты и десятины и был свободен от всякого зла. Отчего и почему? Потому что, хотя он и свободен был от жадности и грабежа, но мать всех зол – тщеславие и гордость – была вкоренена в душе

его. Поэтому и Павел предлагает такое увещание: «Каждый да испытывает свое дело, и тогда будет иметь похвалу только в себе, а не в другом» (Гал. 6:4). А он стал осуждать всю вселенную и назвал себя лучшим всех людей. Если бы он поставил себя выше только десяти или пяти, или двух, или одного человека, и это было бы невыносимо; но он не только предпочел самого себя вселенной, а еще осуждал всех. Поэтому он и отстал во время бега. Как корабль, прошедши бесчисленное множество волн и избежав много бурь, потом при самом входе в пристань, ударившись о какую-нибудь скалу, теряет все находящиеся в нем сокровища, так точно и этот фарисей, выдержавший труды поста и остальных добродетелей, но не овладевший языком, потерпел тяжкое кораблекрушение в самой пристани. С молитвы, от которой должно было получить пользу, выйти, напротив, с таким вредом для себя, значит не что иное, как потерпеть кораблекрушение в пристани.

2. Итак, зная это, возлюбленные, хотя бы мы взошли на самую вершину добродетели, будем считать себя последними из всех, научившись, что гордость может низвергнуть невнимательного и с самих небес, а смиренномудрие может из самой бездны грехов поднять на высоту умеющего быть умеренным. Эта поставила мытаря впереди фарисея; а та – говорю о безумии и гордости – превзошла силу бестелесного диавола; смиренномудрие же и сознание собственных грехов ввело в рай разбойника прежде апостолов. Если же признающее свои грехи доставляют себе такое дерзновение, то сознающие в себе много доброго и, однако, смиряющие свою душу каких не приготовят себе венцов? Если грех, будучи соединен со смиренномудрием, совершает течение с такою легкостью, что превосходит и упреждает праведность, соединенную с гордостью, то, если ты свяжешь его с праведностью, куда не достигнет он, сколько не пройдет небес? Он конечно предстанет пред самый престол Божий, среди ангелов, с великим дерзновением. Опять, если гордость, будучи сопряжена с праведностью, избытком и тяжестью своего зла была в состоянии низложить ее дерзновение, то, будучи соединена с грехом, в какую геенну не может она низвергнуть одержимого ею?

Говорю это не для того, чтобы мы не заботились о праведности, но чтобы избегали гордости; не для того, чтобы мы грешили, но чтобы были умеренны. Смиренномудрие есть основание нашего любомудрия. Хотя бы кто бесчисленное сверху построил – милостыню ли, молитвы ли, пост ли, всякую ли добродетель, но если в основание предварительно не положил этого, то все будет строиться тщетно и напрасно и легко разрушится, подобно зданию, построенному на песке. Ничего нет, ничего из наших

правых дел, что не нуждалось бы в нем; нет ни одного, которое могло бы устоять без него. Укажешь ли на целомудрие, девство, презрение денег, или на что другое, – все нечисто, обременено проклятием и отвратительно, если нет смирения. Итак, будем всюду им начинать, в словах, в делах, в мыслях, и созидать все с ним.

3. Но довольно сказано о смиренномудрии, не по достоинству этой добродетели, – никто не может воспеть ее по достоинству, – но для вразумления вашей любви. Я хорошо знаю, что вы и после немногого сказанного с великим усердием будете привлекать к себе эту добродетель. Но так как необходимо сделать ясным и очевидным апостольское изречение, читанное сегодня и по-видимому подающее многим предлог к легкомыслию, то чтобы некоторые, извлекая отсюда пустое оправдание, не стали нерадеть о собственном спасении, теперь мы и обратим речь к нему. Какое же это изречение? «Как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно» (Флп. 1:18). Многие повторяют это просто и как случится, не читая ни предыдущего, ни последующего, и, отделяя от связи с прочими членами, предлагают беспечнейшим на погибель собственной души. Стараясь отвлечь их от здоровой веры и потом видя, что те робеют и боятся этого дела, как не безопасного, и желая рассеять их страх, они приводят это апостольское изречение и говорят: Павел уступил это, сказав: «Как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно» не так это, не так. И во-первых, апостол не сказал: да будем проповедовать, но: «Как бы ни проповедали Христа»; а великое различие между тем и другим. Сказать: да будем проповедовать, свойственно повелевающему; а сказать: «Как бы ни проповедали Христа», прилично возвещающему. А что Павел законополагает быть ересям, но отклоняет от них всех, внимающих ему, послушай, что говорит он: «кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема... если бы даже мы или Ангел с неба» (Гал. 1:9, 8). Не анафемствовал бы и себя и ангела, если бы признавал это дело безопасным. И еще: «Ибо я ревную о вас ревностью Божиею; потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою. Но боюсь, чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, уклонившись от простоты во Христе» (2Кор. 11:2, 3). Вот и на простоту он указал и однако не признал этого простительным. Если бы это было простительно, то не было бы опасности; а если бы не было опасности, то Павел не боялся бы; и Христос не повелел бы сжигать плевелы, если бы безразличным было делом внимать и этому, и другому, и всем вообще.

4. Что же значат сказанные слова? Я желаю рассказать вам всю эту

историю, начав немного выше, потому что должно знать, в каких обстоятельствах был Павел, когда он писал это. Итак, в каких он был тогда обстоятельствах? В темнице, в узах, невыносимых опасностях. Откуда это видно? Из самого его послания. Выше он говорит: «Желаю, братия, чтобы вы знали, что обстоятельства мои послужили к большему успеху благовествования, так что узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим, и большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью, безбоязненно проповедовать слово Божие» (Флп. 1:12–14). Нерон ввергнул его тогда в темницу. Как какой-нибудь разбойник, вошедши в дом, когда все спят, и тихонько все беря себе, когда увидит кого-нибудь зажигающим светильник, то погашает свет и убивает имеющего светильник, чтобы ему можно было бесстрашно тихонько обирать и грабить, так точно и тогда Нерон, как бы какой разбойник и подрыватель стен, когда все спали некоторым глубоким и бесчувственным сном, грабил всех, разрывал браки, разрушал дома, показывая в себе вообще всякий вид зла; но когда увидел, что Павел возжигает во вселенной светильник – слово учения, и обличает его порочность, то старался и погасить проповедь и убить учителя, чтобы самому можно было делать все свободно, и, связав этого святого, ввергнул его в темницу. Тогда и писал это блаженный Павел.

Кто не будет поражен? Кто не удивится? Или – лучше – кто по достоинству будет поражен и надивится этой благородной и достигавшей до неба душе того, кто, будучи связан и заключен в Риме, писал к филиппийцам из такого отдаленного места? Вы знаете, какое расстояние между Македонией и Римом, но ни длина пути, ни продолжительность времени, ни обременение делами, ни опасность и непрерывные бедствия и ничто другое не изгнало в нем любви и памяти об учениках, но всех их он имел в душе, и не так руки его были связаны узами, как душа была связана и пленена сильным влечением к ученикам. Выражая это самое в начале послания, он говорит: «как и должно мне помышлять о всех вас, потому что я имею вас в сердце в узах моих, при защищении и утверждении благовествования» (Флп. 1:7). Как царь, взошедши на престол с зарею и сев в царских чертогах, тотчас принимает отовсюду бесчисленные послания, так точно и он, сидя в темнице, как бы в царских чертогах, гораздо больше и принимал и отправлял посланий, так как все народы о всех своих делах относились к его мудрости; и устраивал тем более дел в сравнении с царем, чем большая власть ему была вверена. В его руки Бог отдал не только жителей римской области, но и всех иноземцев, и с землею и морем. Объявляя это римлянам, он говорит: «Не хочу, братия,

оставить вас в неведении, что я многократно намеревался придти к вам (но встречал препятствия даже доньне), чтобы иметь некий плод и у вас, как и у прочих народов. Я должен и Еллинам и варварам, мудрецам и невеждам» (Рим. 1:13,14). Итак, каждый день он заботился то о коринфянах, то о македонянах, в каком состоянии – филиппийцы, в каком – каппадокийцы, в каком – галаты, в каком – афиняне, в каком – жители Понта, в каком – вообще все люди. Притом, приняв на себя попечение о всей земле, он заботился не только о целых народах, но и об одном человеке, и посылал послания то об Онисиме, то о прелюбодее коринфском. Он смотрел не на то, что один был грешник и нуждался в покровительстве, но на то, что это был человек, человек – драгоценнейшее для Бога существо, за которого Отец не пощадил даже своего Единородного.

5. Не говори мне, что такой-то беглец, разбойник, вор, и исполнен бесчисленных зол, или что он нищ и отвержен, и малоценен, и не достоин никакого слова; но ты подумай, что и за него умер Христос, и это для тебя будет достаточным основанием всячески позаботиться о нем. Подумай, каков должен быть тот, которого Христос столько почтил, что не пощадил даже своей крови. Если бы царь взялся за кого-нибудь пожертвовать собою, то мы не искали бы другого доказательства на то, что он велик и желанен царю; я не думаю; смерть достаточно показала бы любовь к нему умершего. А теперь не человек, не ангел, не архангел, сам Владыка небес, сам Единородный Сын Божий, облекшись плотию, предал Себя за нас. Не будем ли все делать и хлопотать, чтобы почтенные так люди вкусили у нас всякого промышления? Иначе какое мы будем иметь оправдание, какое прощение? Это самое выражая, Павел говорил: «Не губи твоею пищею того, за кого Христос умер» (Рим. 14:15). Желая обратить тех, которые не уважают своих братьев и презирают их как немощных, расположить их к попечительности и склонить к заботливости о ближних, он, прежде всего, указал на смерть Владыки. Итак, сидя в темнице, он писал к филиппийцам из такого отдаленного места. Такова любовь по Боге: она не пресекается ничем человеческим, имея корни и воздаяния горе, на небесах. И что говорит он? «Желаю, братия, чтобы вы знали» (Флп. 1:12). Видел ли промышление об учениках? Видел ли попечение учителя? Послушай же и о нежности учеников к учителю, чтобы ты знал, что эта привязанность друг к другу и делала их сильными и непреодолимыми. В самом деле, если Брат от брата вспомоществуемый – как город крепкий (Притч. 18:19), то тем более столь многие, связанные узами любви, могли отталкивать от себя всякий замысел порочного демона. Итак, нам не нужно ни приводить

доказательств, ни говорить о том, что Павел был привязан к ученикам, если он и связанный заботился об них и каждый день умирал за них сожигаемый сильным влечением.

6. А что ученики были привязаны к Павлу со всем усердием, и не только мужи, но и жены, послушай, что говорит он о Фиве: «Представляю вам Фиву, сестру нашу, диакониссу церкви Кенхрейской. Примите ее для Господа, как прилично святым, и помогите ей, в чем она будет иметь нужду у вас, ибо и она была помощницею многим и мне самому» (Рим. 16:1,2). Здесь он свидетельствует об ее усердии, простиравшемся до заступления; а Прискилла и Акила преданы были Павлу даже до смерти, как он пишет об них: «Приветствуйте Прискиллу и Акилу, сотрудников моих во Христе Иисусе которые голову свою полагали за мою душу» т. е. шли на смерть (Рим. 16:3,4). И еще о другом в послании к этим самым филиппийцам он говорит: «ибо он за дело Христово был близок к смерти, подвергая опасности жизнь, дабы восполнить недостаток ваших услуг мне» (Флп. 2:30). Видел ли, как они любили учителя, как думали об его покое более души своей? Поэтому никто и не превзошел их тогда. Говорю это не для того, чтобы мы только слушали, но чтобы и подражали; простираю слово свое не к одним подчиненным, но и к начальствующим, чтобы и ученики оказывали великую заботливость об учителях, и учителя имели Павлову нежность к подчиненным, не только присутствующим, но и находящимся далеко. Подлинно, обитая во всей вселенной, как бы в одном доме, так Павел заботился о спасении всех; и все свое оставив: узы, скорби, раны и стеснения, ежедневно узнавал и разведывал, каково состояние учеников; и часто только для этого самого он посылал то Тимофея, то Тихика. О последнем он говорит: дабы знать, «чтобы он утешил сердца ваши» (Еф. 6:22); а о Тимофее: «я, не терпя более, послал узнать о вере вашей, чтобы как не искусил вас искуситель и не сделался тщетным труд наш» (1Фес. 3:5). Также посылал он Тита в другое место, и иного в иное. Так как сам он, будучи часто по необходимости удерживаем узами в одном месте, не мог быть с теми, которые составляли для него как бы его внутренности, то имел общение с ними чрез своих учеников.

7. Итак, будучи тогда в узах, он пишет филиппийцам: «Желаю, братия, чтобы вы знали», называя учеников братьями (Флп. 1:12) Такова любовь. Она отвергает всякое неравенство, не знает преимущества и достоинства, но хотя бы кто был даже выше всех, нисходит к низшему из всех, как поступал и Павел. Послушаем же, что желает он сообщить им. «Обстоятельства мои послужили к большему успеху благовествования». Как, скажи мне, и каким образом? Ужели ты выпущен из темницы? Ужели

сложил с себя цепь, и неустрашимо проповедуешь в городе? Ужели, вшед в церковь, ты простер длинные и многие слова о вере, и приобретя многих учеников, ты отошел? Ужели мертвых ты пробудил, и сделался удивительным? Ужели прокаженных ты очистил, и были поражены безусловно все? Ужели демонов ты прогнал, и был возвышен? Нет, ничего такого, говорит он. Как же, скажи, произошел успех благовествования? «Так что узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим» (Флп. 1:13). Что говоришь ты? Это ли успех? Это ли преуспеяние? От этого ли распространение проповеди, что все узнали, что ты связан? Да, говорит он. Выслушай, чтобы ты узнал, что узы не только не стали препятствием, но и основанием большого дерзновения: «и большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью, безбоязненно проповедывать слово Божие» (Флп. 1:14). Что говоришь ты, Павел? Узы не тоску наложили, а смелость, не страх, а влечение? Эти слова непоследовательны. И я знаю это, говорит он; но это произошло не сообразно последовательности дел человеческих, а было сверх природы и совершилось по божественной благодати. Поэтому, что в других производило тоску, то ему доставляло смелость. Если кто возьмет и заключит военачальника и сделает это явным, то все войско обращает в бегство; равно, если кто удалит пастыря от паствы, то с полной неустрашимостью угоняет овец; но не так бывало с Павлом, а совершенно напротив. Военачальник был связываем, а воины делались усерднейшими и с большим дерзованием нападали на противников; пастырь был заключаем, а овцы не истреблялись и не рассеялись.

**8.** Кто видал, кто слышал, чтобы ученики и в несчастьях учителей находили большее утешение? Как они не убоялись? Как не утрастились? Как не сказали Павлу: «врач! исцели Самого Себя» (Лк. 4:23), освободи себя самого от тяжких бедствий, а потом доставишь и нам бесчисленные блага? Почему не сказали они этого? Почему? Потому, что они благодатию Духа были научены, что все это происходило не по немощи, а по попущению Христову, дабы истина более просияла, посредством уз, темниц, скорбей и притеснений, возрастая и достигая большого величия. Так сила Христова «совершается в немощи» (2Кор. 12:9). Если бы узы преткнули Павла и сделали его или близких к нему боязливими, то следовало бы быть в затруднении; а если они произвели большую смелость и ввели в большую славу, то должно поражаться и удивляться, как дело бесчестное создало ученику славу, как дело, вносящее робость, во всех их произвело смелость и утешение. Кто тогда не был бы им поражен, видя обложенным цепями? Тогда и демоны особенно убегали, когда видели его

находящимся в темнице. Не так блестящей делает царскую главу диадема, как его руки цепь, не по ее собственной природе, но по благодати на руках цветущей. Вот почему это и делалось для учеников великим утешением. Они видели тело его связанным, а язык не связанным, руки – скованными, а слово разрешенным и быстрее солнечного луча, обегаящим всю вселенную. И то для них делалось утешением, когда они на деле научались, что ничто из настоящего не ужасно. Когда душа подлинно будет объята божественным влечением и любовью, то она не обращается ни к чему настоящему; но как неистовствующие отважно осмеливаются и на огонь, и на железо, и на зверей, и на море, и на все, так и эти, неистовствуя некоторым прекраснейшим и духовнейшим неистовством, происходящим от целомудрия, презирали все видимое. Поэтому они, видя учителя связанным, еще более радовались, еще более восхищались делами, доказывая противникам, что они со всех сторон неприступны и неодолимы.

9. И вот тогда, как дела были в таком положении, некоторые из врагов Павла, желая возбудить жесточайшую войну и усилить ненависть к нему тирана, притворялись и сами проповедниками и проповедовали правую и здравую веру для того, чтобы распространить учение; но делали это не потому, чтобы желали посеять веру, но чтобы Нерон, узнав, что проповедь возрастает и учение распространяется, скорее свергнул Павла в пропасть. Итак, было два училища – учеников Павла и врагов Павла, – проповедующих по истине и проповедующих по сварливости и вражде к Павлу. Выражая это, он и говорит: «Некоторые, правда, по зависти и любопрению», указывая на врагов, «другие с добрым расположением проповедуют Христа», разумея здесь своих учеников. Потом опять о тех говорит: «одни по любопрению», т. е. враги, "не чисто", неискренно, но «думая увеличить тяжесть уз моих; а другие – из любви» – здесь опять он говорит о братьях своих, – «зная, что я поставлен защищать благовествование. Но что до того? Как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться» (Флп. 1:15–18). Поэтому напрасно и всуе относится это изречение к ересям, так как проповедавшие тогда проповедовали не растленное учение, но веру здравую и правую. Если бы они проповедовали растленное и учили другому, рядом с Павлом, то не могли бы достигнуть того, чего желали. А чего они желали? Того, чтобы по возрастании веры и по умножении Павловых учеников побудить Нерона к большей войне. Но если бы они проповедовали иное учение, то не умножили бы Павловых учеников; не умножив же их, не раздражили бы тирана. Итак, Павел не то говорит,



будто они вводили растленное учение, а то, что причина, по которой они проповедовали, была растленною, так как иное дело сказать о вине проповеди, и иное о самой проповеди, что она не здравая. Проповедь бывает нездравую тогда, когда учение исполнено заблуждения; а вина будет нездравую тогда, когда хотя проповедь и здравая, но проповедующие проповедуют не для Бога, но или по вражде, или для угождения другим.

**10.** Итак, не то говорит он, будто они вводили ереси, но по неправому предлогу, а не по благочестию проповедовали то, что проповедовали. Они делали это не для распространения Евангелия, но для того, чтобы возбудить войну против него и подвергнуть его большей опасности; за это он и обвиняет их. И посмотри, как точно он выразил это. «Думая увеличить тяжесть уз моих» (Флп. 1:16). Не сказал: нанося, но думая увеличить, т.е. думая; показывает, что хотя они и думают так, но он сам находится не в таком состоянии, а напротив радуется распространению проповеди. Поэтому и присовокупил: «тому радуюсь и буду радоваться» (Флп. 1:18). Если бы их учение заключало в себе заблуждения, и они вводили ереси, то Павел не мог бы радоваться; но так как учение их было здоровое и подлинное, то он и говорит: «тому радуюсь и буду радоваться». А что, если они, делая это по вражде, губят самих себя? Но они даже невольно возвращают мое дело. Видел ли какова сила Павла, как он не уловляется никакими ухищрениями диавола? И не только не уловляется, но и этими самыми берет его в руки. Подлинно велика низость диавола и порочность служителей его: под видом одинакового образа мыслей они желали погасить проповедь. Но «уловляет мудрых в лукавстве их» (1Кор. 3:19) не допустил тогда быть этому. Выражая это самое, Павел говорит: «а оставаться во плоти нужнее для вас. И я верно знаю, что останусь и пребуду со всеми вами» (Флп. 1:24, 25). Они домогаются лишить меня настоящей жизни, и для этого предпринимают все; но Бог не допускает этого для вас.

**11.** Помните же все это тщательно, чтобы вы со всею мудростью могли исправлять тех, которые пользуются Писаниями и необдуманно, как случится, и на погибель ближних. А мы будем в состоянии и помнить сказанное, и исправлять других тогда, когда постоянно будем прибегать к молитве и призывать Бога, подающего слово премудрости, чтобы Он дал и разумение слышанного и сохранение этого духовного залога точное и неодолимое. Часто, чего мы не в силах совершить собственным старанием, легко можем исполнить посредством молитв, – молитв постоянных. Подлинно, нужно молиться всегда и непрестанно, в скорби, и в спокойствии, и в бедствиях, и в благах: в спокойствии и многих благах о

том, чтобы они оставались неподвижными и неизменными и никогда не прекращались; а в скорби и во многих бедствиях о том, чтобы увидеть какую-нибудь полезную перемену, и чтобы они сменились в тишину утешения. В тишине ты? Тогда проси Бога, чтобы эта тишина оставалась у тебя твердою. Наступившую бурю ты увидел? Напряженно проси Бога – пронести это волнение и водворить после бури тишину. Услышан ты? Благодарю за то, что ты услышан. Не услышан? Имей терпение, чтобы ты был услышан, потому что хотя Бог иногда и отсрочивает подавание, но делает это не по ненависти и отвращению, а желая медленностью подаяния постоянно удерживать тебя при Себе, как поступают и нежные отцы, которые отсрочкою подаяния мудро устраивают постоянное пребывание при себе нерадивейших детей. У тебя нет нужды в посредниках к Богу, ни во многом обращении и в лести другим; но, хотя бы ты был одиноким и без предстателя, ты сам собою, призвав Бога, устроишь все вполне. Он обыкновенно склоняется не столько тогда, когда другие призывают Его за нас, сколько тогда, когда мы сами просим, хотя бы мы исполнены были множеством зол. Если между людьми, когда мы много оскорбим кого-нибудь, но и утром, и в полдень, и вечером будем являться к опечаленным нами, неотступностью и постоянными присутствием в глазах их легко прекращаем их вражду, то тем более это может быть в отношении к Богу.

**12.** Но ты недостойн? Сделайся достойным посредством неотступности. А что действительно и недостойный может сделаться достойным посредством неотступности, что Бог скорее склоняется тогда, когда мы сами призываем Его, нежели когда чрез других, и что часто Он отсрочивает подавание не для того, чтобы привести нас в затруднение и отпустить с пустыми руками, а чтобы сделаться Виновником больших для нас благ, – эти три истины я попытаюсь объяснить вам читанною сегодня притчею. Подошла ко Христу хананеянка, умоляя Его о своей бесноватой дочери, и взывая с великою силою, говорила: «помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется» (Мф. 15:22). Вот – женщина иноплеменная, иноземная и не принадлежащая к иудейскому гражданству. Что она иное, как не пес, и не была ли недостойна получить просимое? «Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам» (Мф. 15:26). Однако и она сделалась достойною посредством неотступности; и ее, бывшую псом, он не только возвел в благородство детей, но и отпустил со многими похвалами, сказав: «о, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему» (Мф. 15:28). Когда же Христос говорит: «велика вера», – то не ищи никакого другого доказательства величия души этой женщины.

Видел ли, как женщина недостойная сделалась достойною посредством неотступности? Желаете ли знать и то, что мы более склоняем Его, призывая сами собою, нежели чрез других? Когда она взывала, то ученики, подошедши, говорят; «отпусти ее, потому что кричит за нами». Христос же говорит им: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева». А когда она сама подошла, продолжая взывать, и сказала: «так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их», – то Он даровал ей благодать, сказав: «да будет тебе по желанию твоему» (Мф. 15:23–28). Видел ли, как Он, когда ученики просили, отказал, а когда она сама просила дара, взывая, то склонился на просьбу? Им Он говорит: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева»; а ей сказал: «велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему». Также прежде, в начале прошения, Он ничего не отвечал; а после того, как она однажды, и дважды, и трижды приступила, Он даровал благодать, убеждая нас этим окончанием, что Он отсрочивал подавание не для того, чтобы оттолкнуть ее, но чтобы показать всем нам терпение женщины. Если бы Он отсрочивал для того, чтобы оттолкнуть ее, то не дал бы и в конце; а так как Он желал показать всем ее добродетели, то Он и молчал. Если бы Он дал тотчас и в самом начале, то мы не узнали бы мужества этой женщины. «Отпусти ее, – говорят ученики, – потому что кричит за нами». Что же Христос? Вы слышите голос, говорит Он, а Я вижу ее мысли. Я знаю, что она имеет говорить; Я не желаю оставить незаметным сокровище в ее мыслях сокровище, но ожидаю и молчу, чтобы открыть его, представить и сделать явным для всех.

**13.** Итак, научившись всему этому, хотя бы мы были в грехах и недостойны получения (благ), не будем сомневаться, узнав, что посредством неотступности души мы будем в силах сделаться достойными просимого. И, хотя бы мы были без предстателя, не будем отказываться, узнав, что великое ходатайство то – чтобы самому приступать к Богу с великим усердием. И если Он медлит и откладывает подавание, не будем падать, узнав, что это медление и отсрочка есть знак Его попечения и человеколюбия. Если с таким своим убеждением, с душою скорбящею и теплою, и с бодрственным намерением и таким, с каким приступала хананейка, будем приступать к Нему и мы, то, хотя бы мы были псами, хотя бы сделали что-нибудь ужасное, мы очистимся от своих собственных зол и получим такое дерзновение, что в состоянии будем ходатайствовать и за других, – подобно тому, как и эта хананейка не только сама получила дерзновение и много похвал, но была в силах и дочь свою избавить от невыносимых бедствий. Нет, подлинно нет ничего сильнее пламенной и

искренней молитвы. Она разрешает и настоящие бедствия, избавляет и от будущих наказаний. Поэтому, чтобы нам с приятностью провести и настоящую жизнь, и туда отойти с дерзновением, будем непрестанно совершать молитву с великим усердием и ревностью. Таким образом мы в состоянии будем получить и настоящие блага, и наслаждаться благими надеждами; чего да сподобимся все мы, благодатию, человеколюбием и щедротами Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, честь, держава во веки веков. Аминь.

## Содержание

свт. Иоанн Златоуст Беседа против тех, которые  
злоупотребляют апостольским изречением: «Как бы ни  
проповедали Христа, притворно или искренно» (Флп. 1  
1:18), и о смирении святитель Иоанн Златоуст